

Сергей Смирнов

Как живешь,

В первый день Нового года разные каналы телевидения не менее пяти раз показали старый советский фильм «Чародеи». Сиречь, экранизацию сказочной повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Фильму исполнилось 30 лет, повести — скоро 50. Почему же они не забыты в нынешнем рыночном обществе? И почему их терпели власти в пору брежневского застоя?

Очевидно, потому, что не везде царил застой. И не везде сейчас процветает рынок. На общем фоне серой партократии (тогда) и серой деньгократии сейчас были и есть одиночные, но устойчивые капли настоящего коммунизма. Который, кажется, невозможно воплотить в масштабе страны — но можно многие годы поддерживать в рамках отдельного НИИ или небольшого наукограда. Если его обитатели согласны жить на малые деньги, с малыми заботами. Работая изо всех душевных сил и тем сохраняя себя как разумное существо. Получая

компенсацию за этот труд не в виде денег или власти, а в форме интенсивного общения с братьями по разуму. С коллегами, всегда готовыми помочь твоему незнанию, оспорить очередную глупость или дурь — и всерьез учесть твои разумные поправки к их гипотезам либо предубеждениям. Что и значит: от каждого по его способностям, каждому — по потребностям. Если он способен хоть иногда расширить свои способности до максимума и ограничить потребности до жизненного минимума. Такой идеал успешно воплощали не только сказочные либо фантастические герои Стругацких, но и реальный академик Капица либо легендарный полковник Штирлиц.

Они ведь тоже жили при коммунизме: ежедневно выражаясь как личность и часто рискуя жизнью в борьбе за права своего класса. Самые умные партократы (вроде Косыгина или Андропова) понимали это — и поощряли писателей, режиссеров либо бардов, умело воспевающих упрощенные

портреты сложной и конфликтной коммунистической личности. Ответной любви умные партюкраты не ожидали — и если получали ее, то лишь в форме анекдотов. Это тоже немало; потому многие нынешние владельцы денег или власти завидуют Хрущеву и даже Брежневу. Но сами виноваты: кто не попал в анекдот — тот, значит, не сумел выразиться как личность!

Или сделал это намеренно негромко...

Именно так выразил себя самый знаменитый ученый-одиночка современной России — петербуржец Григорий Перельман, покоритель трехмерной сферы. Наш журнал уже писал о первом общедоступном звене его славы — об удачном японском фильме «Чары гипотезы Пуанкаре» («3—С», №8/11). С тех пор появился еще один хороший российский фильм — «Иноходец» — и русско-американская биографическая книга «Совершенная Строгость» (Астрель, 2011). Вот о ней стоит поразмыслить — ибо это редкий в наши дни честный репортаж из бессмертного института НИИ ЧАВО, воспетого братьями Стругацкими. Примечательна личность автора: Маша Гессен, бывшая наша физматшкольница. Эта девочка получила хорошее образование в двух лидерских школах Москвы (№91 и №2) в середине 1970-х годов, на пике брежневского застоя. В выпускном классе учитель прямо сказал Машиним родителям: шансов продолжить образование в МГУ у вашей дочери нет. Ибо ежегодный допуск евреев на мехмат ограничен теперь десятком лауреатов международных олимпиад — либо родичей разных партюкратов. На физфаке и физтехе обстановка еще хуже; делайте ваши выводы!

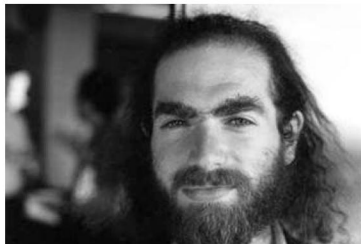
Родители так и сделали: семья Гессен переселилась в США, где Маша получила гуманитарное образование и стала двузвучной журналисткой. Повзрослела, завела семью — но забыть Россию не может и не хочет. И вот в 2006 году очередной молодой человек из России удостоен премии Филдса за доказательство пресловутой гипотезы Пуанкаре. Кто он, откуда взялся, как вырос в научного богатыря? Каково ему сейчас живется?

Маша Гессен

Публичных ответов на эти вопросы не последовало. Григорий Перельман отказался получать премию Филдса — и даже уволился из питерского Математического института, дабы не повредить своей научной душе. Тут русская душа Маши Гессен встрепенулась: это же еще интересно! Оставим личность Перельмана в покое; лучше рассмотрим те условия, в которых выросла эта личность. Для начала надо взять интервью у тех педагогов и математиков, которые на свой страх и риск гранили уникальный талант Перельмана. По возрасту он мог быть младшим братом физматшкольницы Маши; ей ли не понять ту игру страстей и побед, в которой закалился Гриша!

Сказано — сделано. В Петербурге Маша заочно достигала биографию Гришиной мамы — храброй студентки Любы, которая отказалась от аспирантуры, чтобы воспитать одаренного сына. Не так ли две тети Андрея Колмогорова воспитывали юного сироту — и вырос великий русский математик? По совету своего научного руководителя Люба Перельман вовремя отвела Гришу в математический кружок — в руки вдохновенного просветителя Сергея Рукшина. Тот подготовил диковатого мальчика к учебе в знаменитой «Анненшуле» — сиречь физматшколе 239. Там дуэт из Рукшина и Рыжика взял в опеку целый класс — вроде Пушкинского класса в Царскосельском лицее. И вывел всех в люди; с одними это было просто, с другими — сложнее. Гриша Перельман перескочил из «Анненшуле» на матмех ЛГУ в последний брежневский год — только потому, что вовремя попал

Григорий Перельман

на Международную математическую олимпиаду и занял на ней первое место.

Попасть в аспирантуру на заре перестройки было еще труднее. Тут учителя Перельмана познакомили его с бывшим ректором ЛГУ, отличным геометром и честным коммунистом. Кто же откажет академику в праве выбрать нового ученика? Теперь Гриша понимал суть дела не только изнутри науки: «Я вступил в класс динозавров (геометров). Надо стать в нем чемпионом — тогда и млекопитающие не съедят!»

Действительно, не съели. Напротив — повзрослевший динозаврик сам заел многих мохнатых теплокровных, опередив их в решении топологической Задачи Века — через сто лет после того, как ее поставил гениальный француз Пуанкаре. Как удалось Перельману это чудо? Маша Гессен не берется это объяснять, ибо не чувствует себя математиком. Ведь не допустили вовремя смысленную девочку к общению с сильнейшими учениками Колмогорова! Тот научил своих лучших питомцев главному ремеслу: как быстро и с удовольствием не только решать трудные задачи, но и выучивать трудные теории, хорошо показавшие себя в других областях науки. Кто знает, какая из новых премудростей поможет тебе завтра решить очередную непослушную проблему?

Твой колчан должен быть полон самых разных стрел!

Этому трудному ремеслу Перельман учил себя сам; благо было кому подражать — сперва в Питере, потом в США. Ну мог ли вообразить Рукшин, как во время он начал обучать своих питомцев теорфизике? Ведь на школьных олимпиадах она редко помогает!

К счастью, Перельман не забыл эту науку и в 30 лет. Оттого он первый разобрался в не доведенной до конца работе Гамильтона о превращении любого трехмерного многообразия в особый физический мир. «Который геометр физики не знает — едину руку имеет. А который и физику знает — обе руки имеет!» Так, вероятно, оценил бы подвиг Перельмана Петр Первый, сам готовый выучивать все новые ремесла. Хорошо, что не иссякают во граде Петра достойные наследники царственного духа!

Теперь видно, как юному динозавру уцелеть под натиском теплокровных самозванцев. Надо научиться геномодифицировать самого себя — заимствуя удачные находки из генома новичков — первопитц или первых сумчатых, вроде ехидны. Раз их геном изменяется, то и ты от них не отставай! Тогда уцелеешь, хотя бы переродившись. Так умели работать над собою Риман и Гильберт — в Германии, Эрмит и Пуанкаре — во Франции, а в России — Колмогоров и Арнольд. Вот и Григорий Перельман научил себя аутогенной инженерии — и встал в ряд лучших российских математиков XX века.

Отчего же судьба Перельмана не повторяет судьбу Колмогорова или Арнольда? Те стали не только большими учеными, но и большими учителями — хотя успешно чурались любой светской власти. Но духовная власть над коллегами была для них столь же естественна, как рубашка и брюки. А вот Перельман предпочитает рясу или кимоно — и медитацию наедине с Природой, в духе вечного Ньютона. Не потому ли, что нынешний питерский НИИ ЧАВО очень похож на Кембридж середины XVII века? Там всех заставляли зубрить Аристотеля и Евклида: кто преуспевал в этом деле, тот получал право учить других той же зубрежке. В повести Стругацких нравы иные: там полдюжины лидеров НИИ ЧАВО общаются между собой, как боги — и готовы помочь каждому смертному войти в сонм богов. В Питере сейчас не так: что в Пулковке, что на Фонтанке больше одного гения институт не выдерживает. Вот и разлетелись российские герои по заграни-

С. Рукшин
(третий слева)
с учениками,
Перельман
(четвертый слева)

цам; хорошо, что их видно хотя бы через Интернет!

Перельману этого достаточно: он сейчас ушел в затвор, как многие монахи после сорока лет. Возможно, что со временем он оттуда выйдет – если ощутит в душе учительский позыв и захочет пестовать научный молодежь. Если не в роли старшего брата или отца, то хотя бы в роли деда: ведь пророку седые кудри к лицу! Ну, проживем – увидим. Тут бы и закончить наш рассказ о заочном диалоге Маши Гессен с Гришей Перельманом. Да правда не велит: ведь многие российские математики осудили книгу Маши Гессен, как недостаточно благочестивую. Они не в обиде на критику нашей эпохи или прежних времен застоя. Но вот прежде был Век Золотой! И правили тогда ученым миром сплошь святые да праведники: будь то Иван Петровский в МГУ, или Петр Капица в Институте Физпроблем, или Андрей Колмогоров в скиту Комаровка, что на станции Болшево...

Большая доля истины в этом убеждении есть: на фоне поголовья сталинских наркомов даже Сергей Королев казался гуманистом, а Петр Капица – праведником. Но по сути они были кентавры: их человеческий интеллект расцветал благодаря звериному чутью и звериной силе. У кого не было этих черт – того научные лидеры не замечали. Как не замечают сейчас Григорий Перельман или Михаил Громов каких-то журналистов, или чиновников от науки, или даже обыкновенных академи-

ков. Ну, какие у них заслуги? Что сидят во главе институтов или в составе Нобелевского комитета? Да кто об этом вспомнит через 20 лет?

А если вспомнят – то издадут очередную черную книгу под заголовком «Дело академика Николая Лузина» или «Дело академика Николая Вавилова». Где показано в документах, как многие ученики того или другого лидера травили вчерашнего учителя, засидевшегося на капитанском мостике. Или в лучшем случае – как они молчали, не мешая чужой травле. Что поделать, когда нет иной легальной формы выборов командора-диктатора?

Нет уж! Пусть лучше загода публикуются, бесспорно, талантливые и немного скандальные книги – вроде совсем нескромных мемуаров Ричарда Фейнмана, Льва Понтрягина или Джемса Уотсона. Или критического панегирика Маши Гессен о Григории Перельмане и его (то есть, нашей) эпохе. Ибо мы – ее дети, ее соучастники и ее творцы! Чем раньше мы окинем свой мир объективным (не беспристрастным!) взором, тем скорее мы осмыслим этот мир – и тем умнее сможем его кое в чем изменить. Спасибо Вам, Мария Александровна Гессен! Авось кто-то, вдохновленный Вашим примером, напишет в том же честном стиле биографии Владимира Арнольда и Израэля Гельфанда, Игоря Шафаревича и Михаила Громова. Без таких книг наш легендарный НИИ ЧАВО не возродится ни под какой вывеской.